

Кравченко С. А.

СТРЕЛА ВРЕМЕНИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМУ ЗНАНИЮ¹

Кравченко Сергей Александрович –
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник ИС РАН,
заведующий кафедрой социологии
МГИМО-Университет МИД РФ

E-mail: sociol7@yandex.ru

Тел.: +7 (495) 434 94 26

Аннотация. В статье рассматривается процесс становления сложного социума, который весьма трудно интерпретировать только с помощью существующего социологического знания. В связи с этим анализируются изменения, выраженные во взаимодействии социологии с другими науками, у которых заимствуется их знание – как отдельные термины, так и концепции, которые в дальнейшем наполняются собственно социологическим содержанием. Подход к возникшим вызовам автор видит на путях гуманистического поворота, предполагающего интеграцию социологии с естественными и гуманитарными науками, что станет интеллектуальным инструментом преодоления возникших вызовов социологическому знанию.

Ключевые слова: социокультурная динамика, сложный социум, стрела времени, рефлексивность, уязвимости, ненамеренные последствия, гуманистический поворот.

В настоящее время активно идёт процесс формирования новой социальной реальности, обладающей качествами *сложного общества*. Мир как на глобальном, так и на локальном уровнях сталкивается с *усложняющейся социокультурной динамикой общества*, невиданными ранее бифуркациями, рисками, травмами, разрывами, парадоксами. Согласно постулату стрелы времени, обоснованному лауреатом Нобелевской премии И. Р. Пригожиным, имеет место *саморазвитие материи и ускоряющаяся динамика человеческих*

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 12-06-00112-а.

сообществ. «Человеческие сообщества, особенно в наше время, имеют свои, существенно более короткие временные масштабы... С увеличением динамической сложности (от камня к человеческому обществу) роль стрелы времени, эволюционных ритмов возрастает», — пишут И. Пригожин и И. Стенгерс [Пригожин, Стенгерс, 2000: 265]. По нашему мнению, *эффект стрелы времени следует распространить на динамику научного знания вообще и социологического знания в особенности.*

XI конференция Европейской социологической ассоциации (ESA) (Италия, Турин, 2013) проходила под девизом: «**Кризис, Критика и Изменение**». Организаторы форума выдвинули в центр научных дискуссий проблематику современного глобального *кризиса*, имея в виду, что он побуждает к *критическому пересмотру* существующего социологического знания и *выработке новых, более валидных подходов, оригинального теоретико-методологического инструментария*, позволяющего довольно адекватно определить вектор происходящих в мире *изменений*. Председатель программного комитета Конференции Франк Уэлз отметил: «Современный кризис многолик. Это не только долговой, но также политический и социальный кризис... Что стоит за кризисом? Действуют два процесса. Первый — происходила системная трансформация, обусловившая смещение власти от общества в частный сектор и адаптирование государства к потребностям капиталистических рынков. Второй — распространение критики по жизненно важным вопросам. Подумайте об углублении существующих разногласий. Протестные акции «окупируй», социальное восстание в период Арабской Весны, беспокойство в Греции, недовольство в других европейских странах — всё это свидетельствует о реконфигурации связи между кризисом и критикой» [Welz, 2013].

Взятые вместе эти сложные процессы с неизбежностью порождают *неопределённость и новые рефлексии относительно существующего знания*. Людям приходится учиться жить без устойчивых ориентиров, долгоживущих факторов порядка, общепризнанных традиций и авторитетов, то же касается и теоретического инструментария, ранее исправно служившего многие годы. Даже референтные научные группы теряют свою силу уникальности, олицетворения истины. В контексте стрелы времени научное знание быстро устаревает. Ещё П. А. Сорокин отмечал «недолговечность» теоретического инструментария социологической науки: «За семьдесят лет, прошедших после смерти О. Конта, в области социологии промелькнули десятки и сотни разных теорий и подходов; все они пережили свой расцвет, а затем сошли на нет. Ещё сегодня общепризнанная теория завтра всеми отвергается» [Сорокин, 2000: 471]. Чтобы поспевать адекватно анализировать ускоряющийся сложный мир, учёным-обществоведам приходится не уточнять и подправлять существующий инструментарий, а, по существу, с позиций

инновационного мышления и нового знания *переоткрывать* социальную реальность. Необходимость *постоянного переосмысления* социальных реалий обусловлена не столько субъективными факторами – стремлением учёных к созданию оригинальных концепций, привлекающих внимание коллег, сколько *объективными* изменениями в самом социуме, его культуре. Говоря о научной значимости теорий в контексте социальной и культурной динамики, Сорокин отмечал: «достоверность или недостоверность каждой из этих концепций... зависит от содержания господствующего типа культуры» [Сорокин, 2000: 445].

Утвердившийся господствующий тип культуры ускоряющихся и усложняющихся изменений востребовал от учёных невиданную ранее *рефлексию* в виде *научных революций*. Их природу интерпретировал Т. Кун, поставивший под вопрос традиционные представления о развитии наук по пути линейного накопления знания, выдвинув идею научных революций [Кун, 1975]. По его мнению, в конкретный период времени содержание и характер науки определяется *парадигмой* как совокупности принципов категориального аппарата, признающихся группой учёных в течение определённого исторического периода, которая конституирует *нормальную* науку. Однако с течением временем её представители сталкиваются с увеличением *аномалий*, которые не могут быть объяснены с помощью существующего инструментария, что, соответственно, вызывает кризис, заканчивающийся революцией и переходом к новой парадигме. При этом на определённое время утверждается сосуществование двух парадигм при, как правило, доминировании «истинной».

Ныне в контексте стрелы времени ситуация радикально изменяется, динамика вызовов знанию становится всё более ускоряющейся и сложной, чем это было даже сравнительно недавно – во времена П. А. Сорокина и Т. Куна. Во-первых, научная революция, по существу, обрела *перманентный* характер, из чего следует одновременное сосуществование *целого ряда* парадигм. Появилась *наука о науке* и даже *социология социологии*, собственно, изучающая её *полипарадигмальный* характер. Во-вторых, сам плюрализм парадигм, их *короткоживучесть* практически исключает доминирование одной из них. В-третьих, в научное знание вошло *научное незнание*. «То, что принято считать знанием становится незнанием, – пишет У. Бек, – тем самым незнание приобретает статус знания»: черномыльский «ядерный взрыв сопровождался взрывом незнания» [Бек, 2010: 116]. Аналогичный «взрыв» на ру-

беже веков произошёл и в социальных науках — вчерашнее «универсальное» знание в виде «объективных законов» перехода человечества к социализму и коммунизму стало незнанием. Отсюда следует, что одна из существенных характеристик современного научного знания это *парадоксальное сочетание самого разного знания и незнания*.

Это принципиально новый вызов и для развития наук, и для их представителей. Современный учёный поставлен в условия творчества, когда постоянно *необходимо выбирать знания из разного знания и незнания*, просто нельзя не выбирать с учётом фактора немедленного или отложенного риска оказаться на периферии своего научного поля. На наш взгляд, особенно велик риск для представителей социальных наук, чей инструментарий устаревает особенно быстро. Будут ли последствия выбора благоприятные или негативные для востребованности научных результатов или карьеры учёного предсказать и тем более оценить весьма трудно, ибо интерпретации результатов сделанного выбора *варьируются в пространстве* и изменяются *во времени*. Тот выбор, который оказался хорошим, эффективным для одного культурного пространства, не является универсальным для других культур. Сказанное касается и оценок результатов выбора во временном контексте. Попытки убежать от ускоряющейся и усложняющейся социальной и культурной динамики, вернуться к традиционно-авторитетному образу творчества или отказаться от выбора нового парадигмального инструментария вообще, не устраняют ни неопределённость саму по себе в современном научном поле, ни риски от бездействия. Это также *своеобразный* выбор с неопределёнными последствиями — в частности, возможными ущербами от неприятия инновационных подходов или упущенными карьерными шансами.

На первый взгляд, ответы на вызовы знанию следует искать в *рациональном совершенствовании* существующих типов мышления и образов жизнедеятельности. Однако стрела времени поставила под вопрос сами представления об «универсальной», казалось бы, «естественной», всеми разделяемой рациональности. Фактически же, как отмечает Дж. Ритцер, под влиянием глобализации *множатся* типы рациональностей в современном мире [Ritzer, 2011]. Попытки зарационализировать всевозможные сферы жизнедеятельности, включая науку, как показал ещё М. Фуко, исследовавший проблемы институционализации социального контроля, надзора и дисциплины, с неизбежностью порождают ненамеренно формируемые иррациональности [Фуко, 1999]. Утверждается *релятивность* любой разумности, рациональности и научности. «Следует признать, — замечает Н. Луман, — что о целесообразности можно выносить лишь те суждения, которые соотнесены с определённым временем» [Луман, 2004: 189].

Более того, ныне возникает парадоксальная амбивалентность *разумной научной деятельности*. С одной стороны, образованный учёный человек осознанно, рационально-оцениваяюще принимает существующую институ-

циональную реальность, стремится следовать ценностям и нормам культуры, что делает результаты его творчества, как правило, желательными, предсказуемыми и функциональными для окружающих. Однако, с другой стороны, у такого творчески мыслящего учёного формируется критическое начало, что явно или *латентно* воспроизводит *инновационные вызовы* существующему порядку, выражающиеся в стремлении что-то изменить к лучшему. Но в усложняющейся социокультурной динамике невозможно изменить только *что-то конкретное* в своём научном поле. Сразу же возникнет эмерджентность и случайность в функционировании *окружающих* научных полей, которые сегодня представляет собой совокупность социальных сетей. «Улучшение» даже одной ячейки цепи может ненамеренно вызвать цепные реакции как увеличения функциональности, так и нефункциональности и даже дисфункциональности в других ячейках цепи, порождая конкретные вызовы научному знанию и научным референтам.

Возможно ли из нелинейно развивающегося сложного мира вернуться в мир «несвободы», в котором бы доминировали «интересы безопасности» и «непререкаемые авторитеты»? Весьма многие россияне хотели бы это сделать. Социологические опросы свидетельствуют, что 63 % граждан согласны мириться с некоторыми ограничениями своих прав и свобод. Категорически не хотят поступиться свободой ради «интересов безопасности» только 6%, а остальные находятся в раздумьях [Горшков, 2007: 123]. Часть людей считает, что суть проблемы современных вызовов сводится к альтернативе: свобода и творчество или безопасность, опирающаяся на традиции, авторитеты, референты. Однако, по существу, это ложная дилемма. Без свобод творчества и инновационной научной деятельности неопределённостей в современном динамичном мире не станет меньше. Конечно, возможна «частичная обратимость процессов эволюции в сложных системах» [Князева, Курдюмов, 2007: 31]. Однако в принципе «убежать» от эффектов стрелы времени просто невозможно.

Возникает ситуация одновременного существования в одном пространстве разновременных социальных и научных реалий, относящихся к разным темпомирам, что, естественно, порождает принципиально новые вызовы для научных акторов. Кроме того, процесс глобализации способствует тому, что общества превращаются в *открытые* системы, имеющие принципиально иную *нелинейную динамику*, суть которой Э. Гидденс определяет как становление «глобального космополитического общества». В об-

щественном и научном сознании пошёл процесс «детрадиционализации». Хотя сами традиции и референты могут сохраняться, но они утрачивают своё прежнее содержание и потому перестают выполнять функцию значимых авторитетов, задающих строгие, предсказуемые типы мышления, модели творчества. «Традиция, лишённая содержания и подвергшаяся коммерциализации, превращается либо в часть исторического наследия, либо в китч — безделушки из сувенирного магазина в аэропорту» [Гиденс, 2004: 60-61]. «Детрадиционализация» же способствует образованию *прерывистости, разрывов* не только в общественном сознании, но и в научном творчестве. Становится очевидным, что формирующееся *нелинейное, плюралистическое* научное сознание с *уникальными индивидуальными* пластами в виде динамичных *невидимых колледжей* (по Р. К. Мертону — сети личных связей учёных), что в принципе отлично от прежнего научного сознания, представлявшего собой ранее относительно *целостную* систему авторитетных научных школ.

Глобализация обостряет отношения между системами научного сознания, находящимися на различных уровнях *закрытости — открытости, линейного — нелинейного развития*. Закрытые системы, тяготеющие к самосохранению любой ценой, в принципе не способны эффективно и толерантно обмениваться ресурсами с другими системами, что касается, прежде всего, отношения к «инородным» научным ценностям и теориям. Они крайне враждебно относятся к открытым системам, их функционированию, их практикам со значительным компонентом неопределённости и играизации [Кравченко, 2006], видя в них риски для «авторитета» своих теорий и постулатов.

Благодаря движению к открытости, научное сознание становится *весьма динамичным*, что проявляется в готовности к переменам, новациям, а не простому следованию традициям. Даже незначительные научные воздействия в виде «эффекта бабочки» приводят к быстрым и радикальным изменениям в самых разных научных полях, которые обретают характер вызовов. При этом могут возникать такие деформированные формы существования общественного и научного сознания, как неверие, разочарование, апатия, отторжение пропагандируемых ценностей, отчуждение людей от идеалов и самих себя [Тощенко, 2008: 123-124].

Возврат к исходному — закрытому и целостному состоянию уже невозможен, ибо наука как система обрела новое, нелинейное качество и способность её акторов к *самоорганизации и саморефлексии*, что делает дезорганизацию научного сознания *относительной*, но не по меркам традиционной дихотомии: нормальное сознание — аномичное сознание. Точнее, у современного научного сознания появляется принципиально новая перспектива *упорядочения в контексте сложного взаимодействия научных смыслов, их игры*, что стало атрибутом нашей жизни. В противоположность традиционному

научному полю с порядком, основанном на жёстких научных авторитетах, долгоживущих теориях, не способному эффективно обмениваться идеями и знаниями с другими научными дисциплинами, возникает *динамическая научная организованность*, в основе которой лежит *сетевая* упорядоченность, открытость для сотворчества представителей естественных, социальных и гуманитарных наук. Это увеличивает эффективность и валидность теоретико-методологического инструментария разного научного знания, повышая его адаптивность к динамичной внешней среде.

Данная тенденция сетевой упорядоченности не исключает тенденции хаотизации, которая влияет на общественное сознание, равно как и на научное сознание в направлении порождения *глобальных метаморфоз*. «Общественное сознание, — отмечает Ж. Т. Тощенко, — приобретает различные формы деформированного, искажённого восприятия действительности с последующим превращением их в аналогичные виды неадекватного, противоречивого и отклоняющегося поведения. Они возникают под влиянием как глобальных макроэкономических и макрополитических процессов, так и под воздействием мезо- и микро-среды, т. е. тех процессов, которые происходят там, где человек живёт и работает, где протекает его повседневная жизнь... Общественное сознание, находясь в состоянии стресса, перегрузок, рождало (и рождает) чрезвычайно запутанное парадоксальное переплетение взглядов, мнений и оценок происходящих событий» [Тощенко, 2008: 36]. Сказанное, на наш взгляд, не может не затронуть научное сознание. Однако важно заметить, что глобальные метаморфозы и парадоксы не есть *абсолютное зло*. Целостное научное сознание со стойкими референтами, долгоживущими теориями не может быть *добром* для современного общества, его оптимального функционирования (с учётом последствия стрелы времени). Научный монизм — это *утопичное видение* перспектив развития научного сознания. Нужно не противостоять, а *принять* факторы неопределённости, случайности, открытости, разрывов и даже травм в научном сознании.

В целом же, на наш взгляд, как общественное, так и научное сознание россиян трудно адаптируется к восприятию усложняющегося социума. Тому есть ряд причин. В советское время утверждались идеи предопределённости прогрессивного общественного развития сообразно «объективным» законам истории, что в принципе «исключало» возможность существенных неопределённостей для «социалистического пути развития». Осознанно

или нет, формировалось *позитивистское мышление*, не способное адекватно интерпретировать процессы ускоряющейся социокультурной динамики. Это обернулось макро- и микро- катастрофами, социальными, культурными и научными травмами для многих россиян. Увы, понадобились десятилетия, прежде чем мы приступили к преодолению «социологического невежества». Сегодня необходимо как можно быстрее начать готовить россиян к тому, чтобы жить в сложном социуме, а учёных — к формированию инновационного мышления, адекватного усложняющимся социальным и культурным реалиям и, конечно, к преодолению ранее существовавших жёстких границ между естественнонаучным, социальным и гуманитарным знанием.

Отрадно отметить, что мировая социологическая мысль демонстрирует не просто интеграцию собственно социологических теорий, но и достижение реальных результатов в осуществлении *синтеза социологических подходов с другими науками*. Так возникли *повороты в социологии*, предполагающие, строго говоря, *постдисциплинарные* подходы. Среди них: лингвистический поворот (Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, М. Фуко, П. Бурдьё); рискологический (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман); материалистический (Б. Латур, Д. Пелс, К. Хезерингтон, Ф. Вандерберге); культуральный (Дж. Александер). Некоторые известные учёные, среди которых Ж. Бодрийяр, Дж. Ритцер, стали полагать, что данные подходы так или иначе иллюминируют социологию, утверждая новые постмодернистские *науки социального типа*. На наш же взгляд, социология в этих подходах не исчезает, а становится другой по содержанию и форме. Процесс этот естественный.

Вместе с тем, предлагаемые повороты, основанные на синтезе наук, сохраняют собственно *социологический стержень*. За последнее десятилетие известный английский социолог Дж. Урри предложил целых три новых поворота в социологии — *сложности, мобильности и ресурсный повороты*. Свой взгляд на их *триединство* социолог изложил в новой книге — «Климатическое изменение и общество» [Урру, 2011], которая была презентована автором на X Конгрессе Европейской социологической ассоциации (ESA) (Швейцария, Женева, 2011).

Инструментарий поворота сложности как раз призван анализировать становящийся усложняющийся социум. Его исходная посылка состоит в том, что пришедшие в нашу жизнь неопределённости и турбулентности *не предполагают беспорядок вообще*. Исходя из данных методологических позиций, можно анализировать многие сложные реалии современной России — от общественного сознания, включающего представления о демократии и свободе, роли исторических личностей, до туристических и миграционных потоков. Отдельно взятые изменения идей или перемещения людей представляются весьма хаотичными, но их *результатирующая составляющая* позволяет выявлять вполне конкретные тенденции организации и самоорганизации со

своей рациональностью. Поворот сложности позволяет *преодолеть «детскую болезнь» романтизма*, характерную для периода становления социологии как самостоятельной науки. Представители классической и даже новой социологии были убеждены в возможностях практически безграничного улучшения социальной жизни. Революции, катаклизмы, культурные травмы рассматривались как аномия – разрушение социальной солидарности (Э. Дюркгейм) или дисфункциональность культурных и социальных структур (Р. Мертон), – имеющая *временной, территориально ограниченный* характер. Такие подходы не годятся для адекватной интерпретации сложных социальных реалий, в которых хаос и порядок *всегда* взаимосвязаны, обусловлены эмерджентными характеристиками, парадоксами, кентавризмами, всевозможными гибридами.

В этих условиях задача учёных, воспринявших теоретико-методологический инструментарий поворота сложности, как нам видится, состоит в том, чтобы исследовать и определять «границы хаоса» сложных систем. Ныне крайне важно не преступить грань хаоса в осуществлении научных и технологических инноваций, столь необходимых для модернизации России. Для этого нужна качественно иная, чем мы имели прежде, их научная и общественная экспертиза, включающая представителей *естественных, социальных и гуманитарных наук*.

Проблема заключается в том, что научные и технологические инновации, осуществляемые в контексте глобализации, лишь *частично* структурированы. Они, несомненно, имеют запрограммированные, желательные результаты, делающие жизнь современного человека всё более комфортной. Однако *ускоренным образом* возрастают ненамеренные, непредсказуемые и часто весьма дисфункциональные для социума результаты. Пока поддерживается институциональная регуляция социальной жизни за счёт определённой самоорганизации, позволяющей не преступать грань хаоса.

Эти процессы нужно и можно изучать, в частности, с помощью инструментария аттракторов. Этим термином обычно обозначают устойчивое состояние системы, «притягивающее» к себе всё множество её траекторий: при попадании в сферу аттрактора система начинает эволюционировать к этому устойчивому состоянию. В некоторых сложных системах существуют «странные аттракторы», которые, считают Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, можно назвать «привлекающим хаосом» [Князева, Курдюмов, 2007: 237]. Данные аттракторы представляют собой, напротив, нестабильные пространства, однако притягивающие к себе траектории динамических систем за счёт многократных повторений определённых

действий. В этом случае система как бы осуществляет своё самотворение, как правило, продолжая более или менее эффективное функционирование. Как нам видится, примером «привлекающего хаоса» являются современные нелинейные процессы урбанизации нашей столицы. *Множественно выраженные и повторённые* незначительные локальные предпочтения по присоединению к ней отдельных регионов области ради решения определённых социально-экономических проблем в итоге обернулись сложной системой градостроительства с определённой траекторией развития — Москва становится всё более многоликой, её районы не похожи друг на друга.

Сложный социум несёт с собой *принципиально новые* взаимозависимости, проявляющиеся в самых разных связях, которые по своему содержанию могут быть как *сильными*, предполагающими *интенсивное* взаимодействие акторов, находящихся на разной дистанции, так и *слабыми*. Причём, отмечает Дж. Урри, слабые связи имеют особую значимость в «странном явлении “*малого мира*”», который образуется, когда сети частично покрывают друг друга и соединяются с другими сетями. «Сетевая взаимосвязь социальных отношений явления «*малого мира*» даёт свидетельства, что он совсем не прост, а продвинуто во многих отношениях» [Урри, 2003: 52]. Это, прежде всего, выражается в том, что суммарная ценность «*малого мира*», зависит не столько от увеличения арифметического числа включённых в него узлов, сколько от увеличения *пространства*, в котором задействовано определённое число его членов. Так, Интернет-сеть или телефонная компания «диспропорционально получает прибыль даже от небольшого увеличения числа сетевых пользователей... сети могут производить огромные нелинейные увеличения в производительности» [Урри, 2003: 52-53]. Это ещё раз подтверждает ту истину, что в сложных сетевых системах, к которым относится и «малый мир», фактор взаимозависимости слабых связей может иметь большие последствия.

Сказанное, на наш взгляд, может выступать в качестве методологической основы для определения перспектив развития российской науки. Создание новейших научных центров типа «Сколково», конечно, значимо. Но количественное увеличение подобных центров имеет свои пределы. Гораздо важнее создать принципиально *новые взаимосвязи* учёных, адекватные сложному социуму. Исходя из реалий сложности, это должна быть сеть «*малого мира*» учёных, в котором отдельно взятые научные школы-сети частично покрывают друг друга и соединяются через *слабые связи* с другими научными сообществами, включая как российских, так и зарубежных партнёров (регулярно действующие семинары, презентация трудов, совместные конференции и т. д.). Именно движение к сетевому взаимодействию учёных, по нашему убеждению, может привести к нелинейным, диспропорционально неожиданным и в тоже время великим, прорывным результатам, как в теоретической науке, так и в сфере инновационных технологий.

Поворот мобильности Дж. Урри определяет как «новый тип мышления» о мобильности, исходящий из того, что «все социальные образования от отдельно взятого домашнего хозяйства до огромных корпораций предрасположены ко многим и различным формам фактического и потенциального движения. Поворот мобильности связывает анализ различных форм путешествия, транспорта и коммуникаций со сложными способами осуществления и организации экономической и социальной жизни в контексте времени и различных пространств», включая «процессы потоков... Я использую термин мобильности для отсылки на более широкий проект утверждения социальной науки, обусловленной проблематикой движения» [Урру, 2008: 6, 18].

Как видно, поворот мобильности мыслится как результат *интеграции социологии с другими науками*. Востребованность предлагаемой парадигмы обусловлена, по его мнению, тремя важнейшими обстоятельствами. Во-первых, существующие социальные науки умаляют движения, коммуникации, активности, весьма значимые для жизни людей (проведение отпусков, ходьба, вождение автомобиля, звонки по телефону, перелёты и т. д.). Во-вторых, минимизируется значимость этих форм движения для определения самой природы работы, обучения, семейной жизни, политики (например, в обычных структурных анализах зачастую умаляется важность влияния фактора движения на социальные институты – в частности, типы семей обусловлены паттернами регулярности общения их членов). В-третьих, игнорируется роль материальных инфраструктур в экономической, политической и социальной повседневной жизни (дороги, железнодорожные сообщения, телеграфные линии, водопроводы, аэропорты и т. д.).

Кроме того, необходимо, считает учёный, изучать не только мобильность собственно социальных акторов, но и «*движущиеся места*». Ибо места «подобно кораблям движутся туда-сюда и не фиксированы внутри одного расположения. Места путешествуют, медленно или быстро, на более длинные или короткие расстояния внутри человеческих или нечеловеческих сетей» [Урру, 2008: 42].

Действительно, эта весьма важная проблематика до Дж. Урри не нашла отражения в *самостоятельных* исследованиях. Весьма значим его акцент – нельзя трактовать природу социальных структур *вообще, вне их мобильности, а также вне связи с несоциальными, материальными объектами*, которые также находятся в движении. В относительно простом и закрытом социуме, социокультурная динамика которого была невелика, этими факторами можно было

пренебречь. Однако в сложном социуме фактор мобильности является решающим для определения характера социальных институтов. Поворот мобильности также позволяет критически пересмотреть постулат о том, что сознание и поведение людей не зависит от динамики их *материального окружения*. Это особенно значимо для понимания факторов и перспектив развития научного знания вообще и социологического знания в особенности.

Сложность проявляется и в том, что, если раньше мобильности предполагали иерархизацию социума, которому соответствовали рельефно выраженные тенденции горизонтальной и вертикальной мобильности, то теперь возникли *сетевые мобильности*, существующие вне контекста традиционной социальной стратификации. Если прежде мобильность была как-то структурирована, то ныне появились *неструктурированные* мобильности в виде *потоков* людей, знаний, денег, рисков, которые практически не контролируются государствами. Социолог утверждает, что принципиально новым также является следующее: увеличивающееся *разнообразие* мобильных систем; *саморазвитие* и *саморасширение* ряда мобильностей, в частности, автомобильной системы и мобильности её рисков; идёт развитие мобильностей *вне национальных обществ*. Более того, общества, культуры, институты, места пришли в движение: «*Общества и системы в движении*» — именно так называется третий раздел его выше названной книги. По нашему мнению, научные системы также пришли в ускоряющееся движение.

Усложняющееся движение требует *переосмысления базовых человеческих ценностей*. Ныне неотъемлемым правом личности, по мнению Урри, является *право на мобильность в глобальном масштабе*; соответственно, не просто изменяется понятие «гражданство», оно становится другим и *сложным*: в частности, появляются «мобильное гражданство, связанное с правами и обязанностями посетителей других мест и культур»; «постнациональное гражданство», обеспечивающее права человека. Все эти гражданства обретают новое качество — они «не национально-центрированы» [Urri, 2008: 189-190].

Сказанное относится и к перспективам развития социологии. Изначально социология была национально-центрирована. Если Э. Дюркгейм создавал свою теорию, опираясь, прежде всего, на французские реалии, М. Вебер — на немецкие, а К. Маркс — на английские, то современная социологическая мысль по своей сути не национально-центрирована.

Поворот мобильности предполагает принципиальный переход от изучения собственно социальных структур и их функций к исследованию самых разных *сложных мобильностей*, выходящих за конкретные пространство и время, что предполагает новую *постдисциплинарную парадигму*, основанную на интеграции теоретико-методологического инструментария разных наук. Однако нам представляется, как это следует из аргументации самого Урри, стержнем в этой парадигме является *социологическое знание*.

Социолог считает, что наступившие *турбулентные времена* – времена «тяжёлые» в двояком смысле: для европейцев, которые пока не выработали новые адаптивные структуры, для учёных-социологов, которым предстоит иначе взглянуть на предмет своей науки в контексте усложняющегося социума, его *потенциально новых взаимоотношений с природой*. Именно поэтому им был предложен *ресурсный поворот*.

Говоря о квинтэссенции ресурсного поворота, Урри пишет: «Я включаю в общество и, соответственно, в предмет социологии анализа климатического изменения, и в более общем плане – мир объектов, технологий, машин и природных сред. Серьёзная заявленная претензия состоит в том, что социальный и физический/материальный миры чрезвычайно переплетены, и дихотомия между ними есть идеологический конструкт, который необходимо преодолеть» [Urquy, 2011: 8]. И далее ещё более решительно: «Я утверждаю, что социология сегодня нуждается в другой нише исследования и изучения, в новой предметности. Это пойдёт ей на пользу в новом мировом бес/порядке, для которого характерны новаторские ресурсные ограничения... Этот мир также нуждается в социологии, чтобы заменить доминирующие модели человеческого поведения. Я также ратую за «ресурсный поворот» в социологии, позволяющий анализировать общества посредством паттернов, шкал и характера их ресурсной зависимости, а также последствий использования ресурсов. Необходимо разработать скорее *постуглеродную социологию*, чем постфордистскую или постмодернистскую социологию... Я стремлюсь ни к чему другому, кроме как развитию *постуглеродной социологии*, и что гораздо более важно – *постуглеродного общества*» [Urquy, 2011: 16].

Урри реалистично оценивает, что высказанные им идеи ресурсного поворота и *постуглеродной социологии* повлекут за собой научные и политические конфликты, которые, по его мнению, имеют четыре «очень значимые причины». Во-первых, есть мощные интересы глобальных энергетических корпораций, производящих углеродную энергию. «В течение двадцатого столетия эти углеродные энергетические системы стали абсолютно центральными для национальных экономик, и это помогло образовать углеродные военно-промышленные комплексы во многих индустриальных экономиках, особенно в США» [Urquy, 2011: 22]. Во-вторых, «нет единой «науки» о климатических изменениях», хотя существуют группы учёных, соперничающих между собой. «Эта фрагментация науки замедлила понимание того, как действительно происходят климатические изменения по всему миру» [Urquy, 2011: 23]. В-третьих, в научный оборот вошло понятие «глобальное потепле-

ние». «Но «потепление» является упрощённым термином, ибо то, что может происходить в различных частях мира, значительно разнится, есть возможность значительного похолодания в некоторых местах. В действительности проблема термина *потепление* происходит из сущей сложности предсказания долговременного будущего климатов» [Ugry, 2011: 23]. На наш взгляд, это собственно *социологическая* интерпретация потепления, которая делает акцент на турбулентности, непредсказуемости климатических изменений, возможные последствия которых могут стать реальностью, если политики мира не создадут институциональные и правовые структуры, регулирующие и вводящие действительно «новаторские ресурсные ограничения». Наконец, в-четвертых, учёным предстоит разработать адекватную политику, основанную на науке, которая бы обосновывала не просто вероятность, а причинность климатических изменений от увеличивающихся выбросов в атмосферу. Эти процессы «делают климат ключевой категорией двадцать первого века» [Ugry, 2011: 24].

Представляется, все три поворота, предназначенные для более углублённого понимания и исследования сложных реалий, ратуют за интеграцию естественных и социальных наук, оставляя в стороне *науки гуманитарные*. Мы же принципиально исходим из того, что для анализа сложного социума необходим синтез естественнонаучного, социального и гуманитарного знания, результатом которого явилась бы *парадигма сложности, имеющая социологический стержень*. Такая интеграция позволила бы, с одной стороны, максимально учесть сложности социокультурной динамики, всевозможные парадоксы, дисперсии и турбулентности социума, развивающегося в *единстве с природой*, а с другой – осуществить поиск и утверждение *новых форм гуманизма*, включая *гуманистическую направленность* любых научных исследований, что становится этическим императивом в космополитизирующемся сетевом сообществе народов. Мы высказались за утверждение *нелинейно-гуманистического социологического воображения*, которое, по нашему убеждению, необходимо для представителей *всех наук*. Инструментарий этого предлагаемого типа социологического воображения, включающий в себя как нелинейную, так и гуманистическую составляющие, позволит не только глубже анализировать сложные реалии, но и научит жить с ними.

В развитии идей нелинейно-гуманистического социологического воображения на XI конференции Европейской социологической ассоциации (ESA) нами был предложен и обоснован *гуманистический поворот*, предполагающий интеграцию социологии с другим научным знанием [Kravchenko, 2013: 1247-1248]. Для адекватного ответа на современные вызовы социологическому знанию, порождённые становлением сложного социума, необходим синтез естественных, социальных и гуманитарных наук. Только интегральный теоретико-методологический инструментарий, основанный на полипарадигмальности современного знания, может способствовать решению проблем сложного социума.

Литература

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: «Весь Мир», 2004. – 120 с.

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: КомКнига, 2007. – 272 с.

Кравченко С. А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М.: МГИМО-Университет, 2006. – 169 с.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1975.

Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. – 232 с.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 312 с.

Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е. П. Добрынина; Под общ. ред. М. К. Горшкова. М.: ИИК «Российская газета», 2007. – 448 с.

Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: ЗХГИ, 2000. – 1056 с.

Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек / 2-е изд. М.: Юнити-Дана, 2008. – 543 с.

Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: «Ad Marginem», 1999. – 480 с.

Beck, U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. – 269 p.

Kravchenko, S. A. The Becoming of the Complex Socium: for a Humanistic Turn // Abstract book. ESA 2013, Torino. Crisis, Critique and Change. 11th European Sociological Association Conference. 28th – 31st August, 2013. Turin – Italy. p. 274-290.

Ritzer, G. Globalization: The Essentials. Oxford: Willey-Blackwell, 2011. – 356 p.

Urry, J. Climate Change and Society. Cambridge: Polity Press, 2011. – 217 p.

Urry, J. Global Complexity. Cambridge: Polity Press, 2003. – 184 p.

Urry, J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2008. – 335 p.

Welz, F. The theme: Crisis, Critique and Change // Programme Book. ESA 2013, Torino. Crisis, Critique and Change. 11th European Sociological Association Conference. 28th – 31st August, 2013. Turin – Italy.